

Глава одиннадцатая. О том, как Цзя Чжу упал в воду и все отделались легким испугом

В прошлый раз говорилось о том, что супруги Цзя Чжэн стали часто навещать к Ли Шоучжуну. Узнав об этом, Цзя Чжу не на шутку встревожился и принялся отчаянно искать выход. Из рассказов слуги Сияня выходило, что его родители зачастили в дом почтенного Ли, и связи между семьями крепили день от дня. Теперь сомневаться не приходилось: отец и мать давно нацелились женить старшего сына на девице из клана Ли.

Почтенный Ли Шоучжун занимал должность канцлера Государственной академии — чин весьма солидный, сопутствующий четвертому рангу. В его ведении находились и обучение столичных студентов, и надзор за государственными экзаменами. Родство с таким человеком сулило немалую выгоду. И дело даже не в знатности семейства Ли, а в том, что при его покровительстве Цзя Чжу без труда проложил бы себе дорогу на экзаменационном поприще. Этим союзом родители метили сразу в двух зайцев, и ход их был, без сомнения, разыгран безупречно.

Родители пеклись о его благе и строили превосходные планы. Но они и помыслить не могли, что в своей прошлой жизни, до перерождения, Цзя Чжу был стопроцентным геем, причем принимающей стороной. Женщины его совершенно не интересовали, и он уж точно не принадлежал к числу тех господ, что готовы искать утех «и на воде, и на суше». В прежнем мире ему посчастливилось встретить любимого человека, с которым они рука об руку прожили несколько спокойных, счастливых лет. Если бы не злой рок и не та нелепая автокатастрофа, оборвавшая его жизнь, они наверняка разделили бы свой земной путь до самого конца.

Оказавшись в этом мире, Цзя Чжу не собирался предавать себя и идти на уступки ради приличий. Покорись он воле родителей — и его ждал бы брак, где супруги делят ложе, но видят разные сны. А если судьба сведет его с тем, кого он полюбит всем сердцем? Законная супруга в глубине внутренних покоев станет вечной преградой на пути к счастью. Такой союз разрушил бы две жизни, погубив и его, и ни в чем не повинную девушку. К тому же Цзя Чжу не разделял любовь и брак: для него они были неразрывны, и связывать себя узами без искреннего чувства он не желал ни под каким видом.

От этих мыслей у него опустились руки. Он принялся мерить шагами комнату, лихорадочно ища выход. Дочерью Ли Шоучжуна была не кто иная, как Ли Вань. Хотя семьи и выказывали молчаливое согласие, до свадьбы было еще далеко — оба они были слишком юны, чтобы всерьез обсуждать обручение. Значит, время на то, чтобы уклониться от навязанного союза, у него пока оставалось. Главное — держать ухо востро и действовать наперед. Рано или поздно подвернется удобный случай расстроить помолвку. А если удастся потянуть время, пока он не возмужает, можно будет уехать из дома, выхлопотать назначение в провинцию — и тогда уж никто не заставит его жениться против воли.

Однако сколько Цзя Чжу ни ломал голову, дельного плана так и не рождалось. В этот момент за стеной послышалось движение — проснулся Сююй. Служанка Лэнхэ помогла ему умыться, после чего молодой господин направился в соседний кабинет на поиски кузена. Цзя Чжу поспешил напустить на себя беззаботный вид и отложил тяжелые думы до лучших времен.

Утром над Жунфу моросил мелкий, словно пыль, дождь, но к полудню тучи рассеялись, и выглянуло солнце. Во второй половине дня небо прояснилось, засияв чистейшей лазурью, а просторный сад наполнился гомоном птиц и легкой игрой цветочных теней на дорожках. Любуясь этим великолепием, Сююй не удержался: в нем проснулась поэтическая страсть к созерцанию весенней природы. К тому же матушка Цзя еще накануне разрешила им сегодня не прикасаться к книгам, так что Сююй, преисполненный радостного нетерпения, увлек за собой Цзя Чжу на прогулку.

Кузены не спеша шли по извилистым тропинкам, наслаждаясь теплом. У самой кромки пруда их взгляд приковала цветущая белая слива. Одна из ее ветвей, усыпанная похожими на белый нефрит бутонами, склонилась над зеркальной гладью воды, источая тонкий, пленительный аромат. Сююй застыл в восхищении. Плененный нежной красотой цветка, он загорелся желанием непременно сорвать эту веточку. Однако силенок у мальчика не хватало: как он ни тянулся вверх, как ни вставал на цыпочки, кончики пальцев едва касались нижних листьев. Он огляделся в поисках слуг, но вокруг, как назло, не было ни души. Сделав еще несколько безуспешных попыток, Сююй вздохнул и с досадой опустил руки.

Глядя на него, Цзя Чжу лишь покачал головой: опять кузен поддался благородной слабости книжников, готовых часами любоваться редким цветком. И все же оставлять брата в расстроенных чувствах не хотелось. Осмотревшись, он стал прикидывать, как добраться до заветной ветки, и тут он заметил горку из причудливых камней Тайху, высившуюся у самой воды. Если взобраться повыше, податься корпусом к пруду и вытянуть руку, то дотянуться до белой сливы не составит труда.

Попросив Сююя подождать внизу, Цзя Чжу осторожно полез вверх. Карабкаться было несложно, но утренний дождь сделал поверхность камней предательски скользкой. Балансируя на одной ноге и крепко вцепившись свободной рукой в острый выступ камня, Цзя Чжу потянулся вперед. Еще немного, еще чуть-чуть... Пальцы коснулись коры, он ухватился за ветвь, притянул ее к себе и с сухим треском отломил благоухающий побег. Сююй внизу ловко поймал брошенную добычу и расплылся в благодарной улыбке.

Цзя Чжу уже собирался спускаться и начал переносить вес, как вдруг он поскользнулся на мокром мху. Равновесие было потеряно мгновенно. Воздух свистнул в ушах, мир перевернулся, и с оглушительным всплеском Цзя Чжу рухнул прямо в пруд.

Уходя под воду, Цзя Чжу мысленно показал небу средний палец. Закон подлости в чистом виде: вечно с ним такое случается! К счастью, в прежней жизни он плавать умел и топором на дно не шел, вот только оставалось надеяться, что новое тело вспомнит старые навыки. Поначалу он все же растерялся, судорожно глотнул ледяной воды и закашлялся. Несколько секунд ушло на безумное барахтанье, пока ему наконец не удалось вынырнуть и глотнуть воздуха.

Но стоило ему протереть глаза, как сердце ушло в пятки. Сююй, этот благородный дуралей, увидев тонущего кузена, сиганул в пруд следом за ним!

«Твою ж мать!» — мысленно взвыл Цзя Чжу.

Сююй плавать не умел вовсе — типичный изнеженный книжник, не способный поднять и ведра воды. Для такого прыгнуть в омут — верная гибель. Но тут же в душе Цзя Чжу шевельнулось теплое, щемящее чувство: ведь этот мальчишка, прекрасно зная, что идет на дно, без раздумий бросился ему на выручку.

А Сююй тем временем уже захлебывался. Он беспорядочно колотил руками по воде, поднимая тучи брызг, и стремительно уходил под воду. Цзя Чжу рванулся к нему, изо всех сил загребая руками, и ухватил брата за воротник, не давая кануть в глубину. Почувствовав опору, обезумевший от страха Сююй мертвой хваткой вцепился в своего спасителя. Кузен был на год старше, рослее и крепче Цзя Чжу, и теперь в панике утягивал его за собой. Он навалился сверху, карабкась по плечам, и они оба ушли под воду. Цзя Чжу снова наглотался грязной прудовой воды, легкие обожгло болью.

В этот миг Цзя Чжу безумно захотелось хорошенько стукнуть Сююя, чтобы тот отключился и перестал брыкаться, иначе они оба отправятся прямиком к праотцам. Кое-как отбиваясь от удушающих объятий, он упорно греб к берегу. Однако он быстро выбился из сил — мышцы, не привыкшие к нагрузкам, налились свинцом. Каким-то чудом, собрав остатки воли, он доволок Сююя до мелководья и вытолкнул на склизкую сушу.

Тяжело дыша, Цзя Чжу ухватился за каменный парапет, собираясь выбраться вслед за кузеном, как вдруг правую икру пронзила острая, невыносимая боль. От ледяной воды ногу свела жестокая судорога. Он не мог пошевелить ногой и потерял опору.

В панике он попытался подтянуться на руках, но пальцы соскользнули с мокрого камня. Силы иссякли окончательно. Он лишь чувствовал, как медленно, дюйм за дюймом, соскальзывает обратно в темную глубь пруда. Сююй на берегу что-то кричал, тянул к нему дрожащие руки, но расстояние стремительно увеличивалось.

Цзя Чжу ушел под воду с головой. Он держался сколько мог, пока в груди не зажгло огнем, а затем невольно сделал вдох. Ледяная вода хлынула в легкие, вытесняя остатки кислорода. Черная, удушливая бездна сомкнулась над ним.

Перед тем как окончательно провалиться в забытие, он успел лишь горько подумать:

«Да ладно? Неужели все кончится вот так глупо? Я ведь едва начал жить заново!»

В прошлой жизни он часто хвастался перед любимым, что плавает как рыба и скорее сгорит, чем утонет. И надо же было так нелепо опростоволоситься... Если они встретятся на том свете, тот его просто засмеет.

Когда Цзя Чжу открыл глаза, мысли путались, а перед взоромплыли серые пятна. Первой пришла глупая догадка: неужели опять перерождение? Однако, присмотревшись к шелковому пологу над головой, он узнал знакомые узоры. Медленно, по крупицам возвращалась память. Это же спальня его матери, госпожи Ван. Должно быть, слуги вовремя вытащили его и перенесли сюда, чтобы поскорее оказать помощь.

Заметив, что больной зашевелился, стоявшая у постели служанка всплеснула руками и радостно закричала:

— Молодой господин очнулся! Очнулся!

В ту же секунду комната наполнилась суматошным топотом ног, причитаниями и плачем. Сквозь общий гул прорывались отчаянные вскрики госпожи Ван:

— Сыночек мой! Свет моих очей!

Цзя Чжу поморщился от нестерпимого шума и попытался повернуться. Он ожидал увидеть заплаканные, но сияющие от счастья лица матери и Матушки Цзя, но вместо них прямо перед собой обнаружил строгое, благородное лицо учителя Шао Инлиня.

Цзя Чжу вздрогнул. Присутствие наставника в покоях внутренней усадьбы было полной неожиданностью. Попытавшись приподняться, он инстинктивно натянул на себя одеяло и вдруг заметил, что его руки утыканы тонкими серебряными иглами. Ему никогда прежде не приходилось испытывать на себе прелести китайской медицины, поэтому от удивления и испуга он выпалил:

— Учитель! Что это со мной?!

Шао Инлинь мягко, но уверенно прижал его плечо к постели:

— Лежи тихо и не дергайся. Если бы не эти иглы, ты бы еще нескоро пришел в себя.

Цзя Чжу немного успокоился и виновато произнес:

— Значит, это вы вернули меня с того света, учитель... Век буду благодарен за спасение.

— Полно тебе, — прервал его Шао Инлинь. — Я лишь сделал то, что должен был сделать любой лекарь. Ни о каком великом долге и речи быть не может. К тому же Цзинь-эр сейчас в поместье Линь. Ему негоже являться сюда без приглашения, но знай: узнав о твоей беде, он места себе не находил от беспокойства.

С этими словами наставник бережно извлек серебряные иглы из предплечья ученика и еще раз прижал пальцы к его запястью, проверяя биение пульса. Убедившись, что угроза миновала, он повернулся к ширме, за которой томились женщины, и негромко произнес несколько успокаивающих слов. Тотчас из-за перегородки донеслись облегченные вздохи и горячие молитвы с благодарностями Небу.

Слегка повернув голову, Цзя Чжу обвел взглядом комнату. У самого края ширмы стояла

госпожа Ли, супруга старшего дяди. Она тихо плакала, утирая слезы шелковым платком, но в ее глазах читалась не радость спасения, а глубокая, застарелая печаль. Цзя Чжу сразу все понял. Вид племянника, чудом избежавшего гибели, растравил старую рану в ее душе. Много лет назад точно так же упал в воду ее собственный сын, молодой господин Мэй. Но тогда рядом не оказалось искусного лекаря, способного поспорить со смертью, и мальчик угас от болезни, несмотря на все усилия врачей. Горькие воспоминания вновь нахлынули на несчастную мать, заставив ее оплакивать невозвратную потерю.

Присмотревшись к собравшимся, Цзя Чжу заметил среди них дядю Линь Хая и тетюшку Цзя Минь. А вот Сююя нигде не было видно. Охваченный тревогой за кузена, он поспешно спросил:

— А где Сююй? С ним все в порядке?

— Твой брат заперся в кабинете и замаливает грехи, — ответил Шао Инлинь, укладывая инструменты в лакированную шкатулку. — Теперь, когда ты очнулся, пошли кого-нибудь сказать ему об этом. Мальчик извелся от чувства вины.

С этими словами лекарь поднялся с табурета и тактично удалился. Цзя Чжэн с поклоном проводил уважаемого гостя в гостиную, оставив женскую половину семьи наедине с выздоравливающим.

Как оказалось, в то мгновение, когда ногу Цзя Чжу свела судорога и он пошел ко дну, неподалеку проходила его служанка Инхэ. Заметив лежащего на животе у кромки воды Сююя, она бросилась к нему со всех ног. Тот, задыхаясь от слез, сумел лишь выдавить, что кузен тонет. Инхэ вихрем помчалась к внутренним воротам усадьбы и позвала на помощь крепких слуг. Двое из них, умевшие плавать, без промедления прыгнули в пруд и вытащили бездыханного молодого господина на берег.

Однако, несмотря на все усилия, Цзя Чжу никак не приходил в себя. Приглашенные из императорской палаты лекари лишь разводили руками. Матушка Цзя и госпожа Ван днями напролет дежурили у постели больного, заливаясь горячими слезами, да и суровый Цзя Чжэн то и дело украдкой утирал глаза. Видя это, Сююй вспомнил, что его наставник искусен в искусстве врачевания, и умолил отправить слуг в поместье Линь за Шао Инлинем.

Мальчика терзало невыносимое раскаяние. Он помнил, что несчастье случилось из-за дурацкой ветки сливы, которую Цзя Чжу полез срывать ради него. Считая себя единственным виновником трагедии, Сююй заперся в кабинете, дав обет переписать десять тысяч раз наставления о сыновней почтительности и братском долге из «Четверокнижия» и «Пятиканония». Мысль о том, что он, старший брат, не сумел уберечь младшего и безвольно наблюдал за его гибелью, казалась ему несмыслимым позором. В доме никто не смел упрекнуть ребенка, все лишь уговаривали его прекратить добровольное заточение, но Сююй оставался глух к уговорам. Когда же весть о несчастье долетела до усадьбы Линь, Линь Хай и Цзя Минь немедленно поспешили в дом родственников.

Надо сказать, что Шао Инлинь вел уединенную жизнь и терпеть не мог светских визитов в

дома знати. Однако известие о том, что его юный ученик находится на волосок от смерти, заставило его забыть о былых привычках. Прибыв в Жунфу и осмотрев больного, он с облегчением обнаружил, что, несмотря на глубокий обморок, ниточка жизни еще теплится в слабом теле. Успокоив перепуганную родню, наставник пообещал, что после прикладывания золотых игл к особым точкам мальчик придет в себя прежде, чем догорит палочка благовоний. И слова его сбылись с точностью.

Выслушав этот сбивчивый рассказ, Цзя Чжу мысленно вздохнул:

«Ну и дуралей же ты, братец...»

На губах его появилась слабая, теплая улыбка. Повернувшись к матери, он тихо попросил:

— Матушка, пошлите за братом Юем. Я хочу поговорить с ним.

<http://bllate.org/book/18221/1752703>